

МАРТ–ИЮНЬ 1939 года. ПОЛИТИКА ДЕРЖАВ И ТАЙНЫЕ АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИЕ КОНТАКТЫ.

По материалам германских архивов

Вишлёв Олег Викторович – кандидат исторических наук (Москва, Россия).

E-mail: ov54@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты предвоенного международного политического кризиса 1939 года. Раскрываются цели политики Великобритании, Франции и США в отношении Германии и эволюция использовавшихся ими методов воздействия на нее для достижения соглашения. Показано, какую роль отводили западные державы Советскому Союзу в реализации своих политических целей, и отношение руководства СССР к инициативам Лондона, Парижа и Вашингтона. Анализируется реакция германского политического руководства на действия европейских держав и США. С привлечением ранее не вводившихся в научный оборот германских архивных документов и недавно рассекреченных материалов из фондов ЦРУ в статье показано участие в проведении этой политики разведок Германии и США. Называются имена некоторых агентов, дается информация об их жизненном пути и деятельности. Публикуются тексты сообщений, поступивших в Берлин от агента из Швейцарии. Эти документы иллюстрируют эволюцию методов «германской политики» западных держав весной 1939 г. Они свидетельствуют, что Англия, Франция и США, несмотря на демонстративное нарушение гитлеровской Германией Мюнхенского соглашения 1938 г., были готовы продолжать политику «умиротворения» Третьего рейха в расчете избежать военного столкновения с ним и принять как свершившийся факт новые территориальные захваты Германии в Восточной Европе. Материал статьи также свидетельствует, что гитлеровская Германия нарушала договоренность со своим военно-политическим союзником – Италией о запрете ведения разведывательной деятельности в отношении друг друга. Автор статьи пытается также заглянуть на «политическую кухню» Берлина, определить, какое влияние на принятие политических решений оказывало «бюро Риббентропа».

Ключевые слова: предвоенный политический кризис 1939 г., Германия, США, СССР, разведка, «бюро Риббентропа»

O. V. Vishlev

March – June 1939: politics of the powers and secret US-German contacts. According to the materials of the German archives

Vishlev Oleg, Moscow, Russia.

E-mail: ov54@yandex.ru

Abstract. The article deals with some aspects of the pre-war international political crisis of 1939. The goals of British, French and US policies towards Germany and the evolution of their methods of influence on it to reach an agreement are revealed. It is shown what role the Western powers assigned to the Soviet Union in the implementation of their political goals, and the attitude of the Soviet leadership to the initiatives of London, Paris and Washington. The reaction of the German political leadership to the actions of the European powers and the United States is analyzed. With the involvement not previously introduced into scientific

circulation German archival documents and recently declassified materials from the collections of the CIA the article shows the participation in the implementation of this policy the intelligence services of Germany and the USA. The names of some agents are given, information about their life path and activities is given, which in itself may be of interest to the reader. In the Appendix are published the texts of several of the messages received in Berlin from the agent of Switzerland, who vividly illustrate the evolution of the techniques of the «German policy» of the Western powers in the spring of 1939. The texts of these reports also indicate that England, France and the United States, despite the demonstrative violation of the Munich agreement of 1938 by Hitler's Germany, were ready to continue the policy of «appeasement» of the «Third Reich» in the hope of avoiding a military clash with it and accept as a fait accompli the new territorial seizures of Germany in Eastern Europe. The material of the article shows, among other things, that Hitler's Germany violated the agreement with its military and political ally Italy that forbade intelligence activities against each other. The author also tries to look at the «political cuisine» of Berlin, to determine what influence on decision-making could have «Ribbentrop Bureau».

Keywords: Prewar political crisis of 1939, Germany, USA, USSR, Intelligence, «Ribbentrop Bureau».

На фоне бурных событий, которые разворачивались в Европе весной 1939 г., то, что происходило в одном из тихих уголков Швейцарии, городе Локарно, может показаться на первый взгляд совершенно незначительным и не заслуживающим внимания. Там регулярно встречались и вели неторопливые беседы два «старых друга» — важного вида американец и немецкий писатель Гебхард Вернер граф фон дер Шуленбург, двоюродный брат германского посла в Москве Фридриха Вернера графа фон дер Шуленбурга. Дружба эта была, правда, довольно странной и сводилась к тому, что американец давал читать Шуленбургу свою личную корреспонденцию, предназначавшуюся для отправки за океан, а затем подробно отвечал на вопросы, которые задавал собеседник, если что-нибудь в этой корреспонденции ему представлялось неясным. Станным было и поведение немецкого писателя. После каждой встречи он запирался в своем кабинете и составлял письмо, в котором подробно излагал ход беседы. Письмо Шуленбург подписывал почему-то не своим именем, что, казалось бы, должно было приличествовать авторитету уже немолодого человека, занесенного в элитарный справочник «Кто есть кто»¹, автора пьес и исторических романов, пользовавшихся большой популярностью у немецкой публики, а каким-то женским, напоминавшим литературный псевдоним, — «Ваша Эминус». Затем он шел на почту и отправлял свое послание в Мюнхен, адресуя его журналисту и редактору, с которым находился в давних дружеских отношениях, — Тео К. Швейцеру. Последний, в свою очередь, получив и прочитав письмо, прилагал к нему краткий комментарий и переправлял его еще дальше — в Берлин, где оно ложилось на стол к другому журналисту, правда, бывшему — Рудольфу Ликусу.

Происходившее перестанет казаться странным и малозначительным, если сказать, что любовь к литературе была не единственной страстью, которая связывала этих людей. Тем более что большинство из них не пыталось очаровать читающую публику изящным слогом, а писали «произведения» совершенно иного жанра. Р. Ликус, оберфюрер СС, старший референт «личного штаба» министра иностранных дел Германии Й. фон Риббентропа, занимался тем, что составлял сводки агентурных донесений и представлял их своему начальству, а Т. К. Швейцер, агент «бюро Риббентропа», ведал в Мюнхене сбором информации, представлявшей интерес для внешнеполитического ведомства.

¹ Wer ist's. X. Ausgabe. Berlin, 1935, S. 1452—1453.

Не менее примечательной личностью был и сам доктор философии и права Г.В. фон дер Шуленбург (1881–1958 гг.), проживавший в это время в местечке Ауресс-ио под Локарно². Получив по семейной традиции военное образование, но оставив военную службу, он увлекся изучением итальянской культуры и писательской деятельностью. С началом Первой мировой войны Шуленбург, однако, вернулся в армию, побывал на фронте, а затем был направлен в Отдел военной прессы Ставки германского верховного главнокомандования. В 1917 г. его прикомандировали к германскому военному атташе в Швейцарии князю Бисмарку. В Берне Шуленбург выполнял, как отмечалось в характеристике на него, «особую миссию», зарекомендовав себя при этом человеком «очень полезным и осмотрительным»³. Он неоднократно приглашался для личного доклада к Э. Людендорфу и П. фон Гинденбургу. После войны Шуленбург оставил дипломатическую и военную службу и, казалось бы, вернулся к своим прежним увлечениям. Он поселился в италийском кантоне Локарно на юге Швейцарии, откуда постоянно наведывался в Италию. Там он обзавелся обширными связями в среде писателей и людей искусства. В Милане он познакомился с журналисткой и искусствоведом М. Сарфатти – соратницей и любовницей Б. Муссолини. С ней у Шуленбурга сложились дружеские и тесные деловые отношения. В 1920-е гг. он был окрылен идеями итальянского фашизма, активно пропагандировал необходимость германо-итальянского культурного и политического сближения. В 1927 г. Сарфатти представила Шуленбурга дуче, который поручил ему издавать на немецком языке журнал «*Italien. Monatsschrift für Kultur, Kunst und Literatur*», на страницах которого должны были освещаться также политические вопросы, в частности достижения фашистского движения в Италии. Под редакцией Шуленбурга этот журнал на деньги итальянского правительства печатался в 1927–1930 гг. в Гейдельберге. Одновременно Шуленбург выступал со статьями на страницах официального органа итальянского фашизма журнала «*Gerarchia*», издававшегося Сарфатти. За опубликованную в нем хвалебную статью о германском национал-социализме он удостоился в январе 1930 г. благодарственного письма Гитлера.

После прихода нацистов к власти Шуленбург, слывший в Германии крупным знатоком Италии, в июле 1933 г. в качестве пресс-секретаря сопровождал вице-канцлера гитлеровского правительства Ф. фон Папена (с ним Шуленбург был знаком еще по кадетской школе) на переговорах с Ватиканом о заключении Имперского конкордата, определившего статус католической церкви в Германии. В ноябре того же года по поручению Папена он на неофициальном уровне зондировал в фашистских верхах в Риме возможность заключения политического соглашения между Германией и Италией. После назначения Папена послом в Австрию Шуленбург, вроде бы, отошел от политики и с головой ушел в литературное творчество. О нем в это время даже начали поговаривать, что он-де «опозиционно настроен в отношении национал-социализма» и «дружелюбно относится к евреям». С постановкой на сценах германских театров пьес Шуленбурга, пользовавшихся ранее большим успехом, после принятия в сентябре 1935 г. Нюрнбергским съездом

² Основные вехи жизни и творчества Г. В. графа фон дер Шуленбурга достаточно подробно изложены в германских, итальянских и швейцарских биографических справочниках, на страницах исследований (*Schieder W. Mythos Mussolini. Deutsche in Audienz beim Duce. München, 2013, S. 144–150; Knigge J. C. Werner Graf von der Schulenburg – Kulturvermittler zwischen Italien und Deutschland. – <http://edoc.hu-berlin.de/18452/14309>*), в посвященном ему романе, который был написан его дочерью (*Schulenburg S. von der. Il Barone. Werner von der Schulenburg fra storia, passioni e intrighi. Verona, 2010*), а также на персональной интернет-странице (<http://www.wernervonderschulenburg.com>). В названных работах полным молчанием обходятся некоторые факты биографии Шуленбурга, о которых речь пойдет в статье.

³ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее – PA AA), Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37841.

НСДАП расовых законов стали возникать трудности. Но, видимо, так готовилась его легенда для предстоящей работы. В условиях сохранявшихся острых противоречий между Гитлером и Муссолини (камнем преткновения был вопрос о судьбе Австрии) это позволяло Шуленбургу, слывшему в Италии «своим человеком» (ему даже предлагали занять должность в итальянском министерстве пропаганды), сохранять контакты в фашистских верхах в Риме, а также с итальянскими деятелями культуры, многие из которых были по национальности евреями, в том числе и с Сарфатти⁴.

Услуги Шуленбурга ценили и в феврале 1940 г. вновь прикомандировали, на этот раз к старшему референту «бюро Риббентропа» В. Вюстеру, направленному в Рим на должность атташе по вопросам культуры германского посольства. При этом Вюстер получил от Риббентропа строгое указание в отношении Шуленбурга: «Последний должен быть в какой-то форме встроен и оформлен как служащий по договору» («Letzterer solle in irgendeiner Form eingebaut werden und in das Vertragsangestelltenverhältnis übernommen werden»)⁵. Хотя разногласия между Германией и Италией к маю 1939 г. были устранены и между двумя странами заключен «Сталинский пакт», оформивший их военно-политический союз, в Берлине, активно готовившемся развязать войну, считали, что за настроениями союзника необходимо пристально следить, причем не только из посольства. Шуленбург, вхожий к дуче, подходил для этого как нельзя лучше. Прибыв в Рим и сославшись на наличие расхождения во взглядах с атташе по вопросам культуры, он основал собственное бюро переводов и первым делом перевел на немецкий язык пьесу Муссолини «Кавур», которая с большой помпой уже в мае 1940 г. была поставлена на сцене Театра драмы и оперы в Берлине. В том же году во время визита Риббентропа в Ватикан Шуленбург выступил в роли его советника. Но Шуленбург не столько переводил итальянских авторов, сколько развивал контакты с ведущими итальянскими политиками, папой Пием XII, а также с представителями западных государств при Папском престоле. Его активность не оставалась незамеченной. В октябре 1945 г. Управление стратегических служб США (предшественник ЦРУ) однозначно квалифицирует Шуленбурга как «одного из первых платных агентов VI управления» (внешняя разведка) Главного имперского управления безопасности, который работал в Италии и «давал информацию об итальянских политических и военных деятелях и о том, что происходило в Ватикане»⁶.

То, что американец так вел себя с Шуленбургом не было случайностью. Он, видимо, знал, кем является его давний знакомый, и именно такой человек ему был нужен.

Американец тоже был личностью не простой. Его имя не называется в документах «бюро Риббентропа», но дается краткая характеристика персоны: «агент американского президента Рузвельта, занимающийся сбором информации в Европе и раз

⁴ М. Сарфатти, по национальности еврейка, играла видную роль в фашистском движении. В ноябре 1938 г. после принятия в Италии расовых законов она была вынуждена покинуть страну.

⁵ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (далее – ADAP), Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes, Serie D: 1937–1941, Bd. VIII. Baden-Baden, 1961, Dok. № 596, S. 584.

⁶ http://www.cia.gov/library/readingroom/docs/specialCollection/nwcd5/106/BEETZ,HILDEGARD VOL. 1_0119.pdf. (дата обращения 10.07.2019). Сведения о Шуленбурге американским спецслужбам предоставил другой агент VI управления Главного управления имперской безопасности – Хильдегард Беец, урожденная Хильдегард Гертруда Буркхардт (1919–2010), работавшая под кличкой «Фелицита» в окружении министра иностранных дел Италии Г. Чиано. В 1945–1950 гг. под именем Хильдегард Блюм (клички «Гамбит», «Туника») она работала уже на американцев сначала в Мюнхене, а затем в Западном Берлине. В дальнейшем, после того как на ее деятельность обратила внимание советская разведка, ЦРУ сочло продолжение ее использования нецелесообразным. В последние годы она была известна как Хильда Пурвин, проживала в Бонне и была одной из ведущих западногерманских журналисток.

в месяц направляющий сводный доклад лично Рузвельту»⁷. Этой информации вполне достаточно, чтобы идентифицировать второе действующее лицо этой истории. Агентом Ф. Д. Рузвельта в Европе в предвоенный период и в годы войны был Майрон Чарльз Тейлор (1874–1959 гг.), близкий друг американского президента. В германских дипломатических документах отмечалось, что Тейлор – «очень влиятельный бывший президент крупнейшего американского стального концерна “United States of America Steel Corporation”», что он «хорошо известен в Италии и уже много лет владеет виллой во Флоренции», что он также хорошо известен и ведомствам в Берлине, поскольку «настроен исключительно враждебно по отношению к Германии». В июле 1938 г. Тейлор председательствовал на созванной во Франции по инициативе Рузвельта Эвианской конференции, на которой обсуждались вопросы помощи еврейским беженцам из Германии и Австрии. После этой конференции он постоянно разъезжал по европейским столицам, собирая интересующие Рузвельта сведения. В конце 1939 г. Рузвельт попросил Тейлора взять на себя особую миссию, стать его «личным посланником» и «послом мира» при папе Пие XII. В феврале 1940 г. Тейлор приобрел официальный дипломатический статус в Ватикане. В его задачи входило не допустить вступления в войну Италии и Испании на стороне Германии и добиться «более тесного сотрудничества с папой в проведении возможных посреднических акций по достижению мира»⁸. Показательно, что именно в это время в Рим был «откомандирован» и Шуленбург. Биографы последнего сообщают, что в Италии он и Тейлор продолжали поддерживать контакты.

Так почему же Тейлор давал читать Шуленбургу сообщения, предназначавшиеся лично для Рузвельта, а затем в доверительных беседах подробно комментировал их? Предполагать, что это происходило по неопытности или злему умыслу с его стороны, вряд ли возможно. Не вызывает сомнения, что сообщаемое Тейлором «старому другу» предназначалось именно для того, чтобы стать известным в Берлине, и преследовало определенную цель

Но прежде чем говорить о целях, перенесемся на некоторое время из нейтральной Швейцарии в столицы европейских держав. Беседы в Локарно имели самое непосредственное отношение к тому, что там происходило.

* * *

С весны 1939 г. над Европой вновь начали сгущаться тучи войны. 15 марта германские войска оккупировали Чехию. Вслед за этим в течение нескольких дней рейх аннексировал Мемельскую область, входившую в состав Литвы, навязал кабальное экономическое соглашение Румынии, потребовал от Польши вернуть Данциг и предоставить экстерриториальный статус германским коммуникациям, которые планировалось проложить через «польский коридор». Берлин открыто заявлял, что намерен продолжить ревизию «версальской системы» и ни с чьим мнением считаться не будет. Мюнхенская конструкция поддержания мира в Европе, с таким трудом осенью 1938 г. воздвигнутая лидерами демократических держав, рушилась на глазах, и это ставило ее творцов в чрезвычайно сложное положение.

Войны с Германией Англия и Франция стремились избежать, поскольку она могла привести к ослаблению их международных позиций, спровоцировать центробежные процессы в их необъятных колониальных империях. Опасения вызывали и возможные социальные последствия крупного вооруженного конфликта в Европе. Уроки первой мировой войны хорошо помнили на Сене и Темзе и очень не хотели их

⁷ PA AA, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37841.

⁸ ADAP, Serie D, Bd. VIII, Dok. 486, S. 450; Dok. 490, S. 455.

повторения. С «ревизионистами» рассчитывали договориться полюбовно и удовлетворить их аппетиты за счет Восточной и Юго-Восточной Европы в обмен на обещание с их стороны сохранять статус-кво на Западе и не поднимать вопрос о колониях. Однако использовать прежние методы политики умиротворения Германии, т.е. постоянно брать инициативу на себя и ездить к Гитлеру на поклон с предложениями об уступках и просьбами о мире, как это делали в 1937–1938 гг. британские руководители во главе с Н. Чемберленом, политические лидеры Запада в изменившейся обстановке больше не могли. После того как Германия демонстративно разорвала Мюнхенское соглашение, заявлять о готовности к новым жертвам во имя лишь недавно объявленного спасенным «всеобщего мира» значило подчеркнуть слабость западных держав и подорвать их и без того пошатнувшийся после Мюнхена международный престиж.

Ситуация складывалась критическая и в чем-то даже тупиковая. Имелся один вариант действий по обузданию агрессоров, причем наиболее эффективный, тот, который на протяжении уже нескольких лет предлагала Москва, — создание системы коллективной безопасности в Европе с участием Англии, Франции и СССР. Однако он отвергался большинством западных политиков как неприемлемый. Принять предложение Кремля означало во всеуслышание заявить о том, что вся прошлая политика Англии и Франции в отношении Германии и Италии была ошибочной. Более того, встав на путь коллективных действий, советское государство пришлось бы допустить к решению вопросов «большой политики» и еще хуже — считаться с ним как с равноправным партнером. Этого Лондон и Париж категорически не хотели. На СССР там по-прежнему предпочитали смотреть как на объект, а не как на субъект мировой политики. В расчетах западных деятелей военное столкновение СССР и Германии, способное привести к радикальному ослаблению той и другой стороны, рассматривалось как один из наиболее предпочтительных, отвечающих интересам демократических держав сценариев развития международной обстановки. Да и социальные последствия коллективного обуздания агрессоров, как считали на Западе, могли оказаться не лучше последствий войны. Крах режимов Гитлера и Муссолини мог обернуться, считали там, «большевизацией» Германии и Италии и опаснейшим изменением баланса сил в Европе.

Выход из создавшегося положения, по мнению Лондона и Парижа, был один: от Германии следовало добиться того, чтобы она сама выступила с инициативой переговоров и предложила компромисс либо приняла предложение какого-нибудь нейтрального государства о посредничестве в урегулировании отношений. Это сняло бы все проблемы. Но как можно было побудить Берлин изменить позицию?

После провала попыток воздействовать на него с помощью уговоров и уступок в распоряжении западных держав оставалось, по сути, единственное средство, к которому они еще могли прибегнуть, чтобы, сохраняя собственный престиж, заставить Германию взять на себя инициативу урегулирования отношений, — политика устрашения. Берлину решили дать понять, что время легких, бескровных побед для него прошло, что несанкционированные акты нарушения им статус-кво в Европе становятся небезопасными. Немцы должны были осознать, что им выгоднее сесть за стол переговоров и попытаться мирным путем добиться удовлетворения хотя бы части своих требований, чем идти на конфликт, подвергая себя риску не только ничего не получить, но и потерять уже приобретенное. В основу тактики устрашения (а фактически шантажа) западные державы планировали положить демонстрацию не только собственной мощи, но и крайне неблагоприятного для Германии и в целом для «оси» баланса сил на международной арене. Берлин должен был ясно увидеть, что в случае войны он будет иметь дело с широкой коалицией западных держав и их восточноевропейских союзников, что на стороне этой коалиции выступят также Советский Союз и Соединенные Штаты. Над ним вновь, как и в годы Первой мировой войны, должна

была нависнуть угроза борьбы на два фронта со странами, военные, экономические и людские ресурсы которых будут многократно превосходить ресурсы «оси». До сознания нацистских лидеров, рассчитывали в западных столицах, должно было прийти, что начинать войну в таких условиях и при таком соотношении сил равнозначно самоубийству.

Изменения в тактике западных держав, происшедшие во второй половине марта 1939 г., нередко трактуются как начало «окружения» ими Германии и Италии в целях подготовки к войне (под «окружением» подразумевается предоставление Англией и Францией гарантий Польше, Румынии, Греции и активизация их контактов с СССР). На самом же деле преследовалась все та же старая цель — достичь соглашения со странами «оси» и предотвратить развитие их «динамизма» в западном направлении.

Но одно дело выработка новой тактической линии, а другое — ее претворение в жизнь. Здесь Лондон и Париж уже в марте 1939 г. столкнулись с очень сложными проблемами. Ужесточение тона заявлений их лидеров, ставшее заметным после захвата немцами Чехии, явно противоречило политическим и военным возможностям, которыми в тот момент располагали западные державы. Собственные военные программы Англии и Франции были далеки от завершения, и об этом знали в Берлине. В Соединенных Штатах Америки по-прежнему доминировали изоляционистские настроения, и это тоже было известно. Румыния колебалась в вопросе о принятии англо-французских гарантий, не желая идти на конфронтацию с немцами. Поляки после получения западных гарантий держались, как считали в Лондоне и Париже, хорошо, демонстрируя готовность бороться до конца, однако грозили испортить все, постоянно заявляя, что Польша не станет участвовать ни в какой «антигерманской комбинации», если к ней будет привлечен СССР.

Что касается Москвы, то с ней дело обстояло еще сложнее. От того, как поведет себя советское руководство, во многом зависели успех или неудача новой западной тактики. Без ясного и однозначного заявления СССР о том, что он стоит целиком на стороне демократических держав, утраченное Берлином «кошмаром войны на два фронта» превращалось в явный блеф. Гитлер хорошо понимал, что Польша и Румыния ввиду своей военной слабости без поддержки со стороны Советского Союза не смогут составить «антигерманский фронт» в Восточной Европе. Однако СССР, после того как западные державы осенью 1938 г. отдали предпочтение не коллективному обузданию агрессии, как это предлагала Москва, а сепаратной сделке с агрессорами за счет своего собственного союзника — Чехословакии, все яснее выражал сомнения в возможности налаживания сотрудничества с Англией и Францией. 10 марта 1939 г. И. В. Сталин с трибуны XVIII съезда ВКП(б) подверг резкой критике западные державы, прямо заявив, что их политика лишь провоцирует новые акты агрессии и способствует возникновению мировой войны, что они проводят откровенно антисоветский курс, рассчитывая столкнуть СССР и Германию, а самим остаться в стороне в роли третьего радующегося. Сталин ясно дал понять, что в случае непринятия западными демократическими державами условий сотрудничества, предлагаемых советским государством, а тем более попыток разрешения противоречий за его счет, СССР найдет другие пути обеспечения своей безопасности⁹. Возобновление с конца 1938 г. советско-германских переговоров по вопросам торговли и кредита являлось серьезным предостережением, сделанным СССР в адрес Англии и Франции.

В новых условиях продолжать прежний курс демонстративного игнорирования и целенаправленной изоляции СССР становилось для Лондона и Парижа уже не только невозможным, но и опасным. Москву нужно было не изолировать, а, наоборот, активно вовлекать в орбиту англо-французской политики, чтобы использовать

⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы, т. 1. М., 1990, док. № 177, с. 258–264.

ее как «фактор» в разыгрывавшейся Западом большой политической партии, а заодно взяты под контроль ее действия и исключить возможность советско-германского сближения.

Не допустить занятия Кремлем позиции нейтралитета, не вступая, однако, с ним ни в какие договорные отношения («дружественность, контакты, но никаких обязательств», как выразился в своей телеграмме 28 марта 1939 г. британский посол в Москве У. Сидс¹⁰), можно было, полагали на Западе, лишь одним способом: побудив его к действиям, которые могли привести к обострению советско-германских отношений. С этой целью англо-французская дипломатия с марта 1939 г. начала настойчиво добиваться от Москвы сначала публичного заявления о ее готовности предоставить помощь Польше и Румынии в случае нападения на них Германии, а затем заявления о предоставлении ею гарантий названным государствам подобно тому, как это сделали или сделают (Румынии гарантии были предоставлены позднее) западные державы.

Однако СССР отказывался следовать советам Англии и Франции, понимая, что это может вовлечь его в войну с Германией, причем в такую войну, в которой он будет вынужден в одиночку бороться против Германии и ее союзников, а, может быть, и более широкой антисоветской коалиции. В своих ответах на западные демарши Москва вполне обоснованно ссылалась на то, что ни Польша, ни Румыния о помощи либо гарантиях ее не просят, и со своей стороны предлагала английским и французским политикам разъяснить, как они представляют себе свою собственную помощь восточно-европейским государствам. Кремль вновь и вновь подводил Лондон и Париж к мысли о необходимости коллективных действий и заключения трехстороннего соглашения между Англией, Францией и СССР.

Сбои в реализации новой западной тактики в отношении Германии начались уже с первых шагов. Мало того, что постоянно возникали «технические трудности» то с Румынией, то с Польшей, то с СССР, но и собственную натуру английским и французским политикам оказалось очень трудно перебороть и провести до конца последовательно выработанную ими же линию. Мюнхенский синдром постоянно давал о себе знать, а желание поторопить события, ускорить достижение соглашения с Германией фактически перечеркивало все то, что делалось ими, чтобы вызвать у Берлина чувство тревоги. Так, например, 31 марта 1939 г., в день предоставления Англией гарантий Польше, румынский посланник в Лондоне В. Тиля, видимо, с ведома Форин-офиса, сообщил дипломатическому представителю Немецкого информационного бюро (ДНБ): «Англия хочет любой ценой добиться соглашения с Германией. За пять—шесть дней до 15 марта (1939 г. — *О.В.*) дело дошло до того, что англичане, заручившись горячим одобрением американцев, готовы были отправиться в Берлин, упаковав в свои чемоданы предложение о 50%-ном компромиссе, в том числе по вопросу о колониях, лишь бы на 10 или 15 лет сохранить мир». Но и сейчас, несмотря на изменение обстановки, они не исключают возможность достижения компромисса¹¹.

В условиях, когда Лондон и Париж то делали грозные заявления, то недвусмысленно намекали на готовность к соглашению, Гитлер, естественно, мог не опасаться решительных действий с их стороны. Инициатива целиком оставалась в его руках. Да и чем западные державы могли напугать Берлин? Твердостью речей своих лидеров или тоном газетных публикаций? Гарантиями, демонстративно выданными Польше, в условиях, когда было совершенно ясно, что ни англичане, ни французы не станут «погибать за Данциг»? Или «контактами» с СССР? Их безрезультатность раз за разом подтверждалась сообщениями ТАСС: слухи о том, что СССР якобы предлагает помощь

¹⁰ Там же, т. 2. М., 1990, с. 389 (прим. 92).

¹¹ PA AA, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37753.

Польше и Румынии и намерен закрыть сырьевой рынок для Германии, не соответствуют действительности¹². Такое «устрашение» вряд ли могло иметь эффект. Оно могло вызвать скорее обратную реакцию и фактически вызвало ее: 9 апреля 1939 г. Италия напала на Албанию, а два дня спустя, 11 апреля, Гитлер утвердил план войны против Польши (план «Вайсс»).

Важная роль в политике западных держав отводилась Соединенным Штатам. США, по мнению Лондона и Парижа, могли сказать свое веское слово и повлиять на развитие событий в Европе. Американский исполин, высившийся за спиной Англии и Франции, не мог быть сброшен со счетов Гитлером и Муссолини, если бы они захотели развязать «большую войну». Но было и другое обстоятельство, повышавшее ценность США в глазах западных политиков. В условиях, когда правительства Англии и Франции не считали для себя возможным выступить с инициативой переговоров и соглашения с державами «оси», это вполне мог сделать Вашингтон, причем не только без ущерба, а с выгодой для своей международной репутации. Американская инициатива позволила бы Лондону и Парижу выйти из затруднительного положения. И такая инициатива последовала.

14 апреля 1939 г. Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланием, в котором призвал их решить существующие проблемы за столом переговоров. Он предложил им сделать заявления о том, что вооруженные силы Германии и Италии в течение 10 или 15 лет не совершат нападение на три с лишним десятка стран Европы и Ближнего Востока, перечисленных в послании. Декларируя готовность США принять участие в переговорах о разоружении и международной торговле, если Гитлер и Муссолини дадут положительный ответ, Рузвельт предложил им услуги «доброго посредника» при урегулировании отношений с «другими нациями», у которых политика Германии и Италии «вызывает озабоченность». Американский президент заявил также, что видит цель своего обращения не в последнюю очередь в том, чтобы обеспечить «всем нациям» (под ними подразумевались прежде всего Германия и Италия) «абсолютное равенство» в мировой торговле и создать условия, при которых они обрели бы уверенность в том, «что получают сырье и товары, необходимые для их спокойного экономического развития»¹³.

Одновременно в послании звучали очень твердые ноты. Берлин и Рим должны были ясно понять, что симпатии Вашингтона на стороне Англии и Франции, и что в случае войны он не останется пассивным наблюдателем. Выражая тревогу по поводу того, что ряд стран уже потерял свою независимость и что «ходят слухи» о подготовке «новых агрессивных действий против других независимых наций», Рузвельт подчеркивал, что эти действия могут иметь далеко идущие последствия и ввергнуть «весь мир» в войну. Соединенные Штаты, заявил американский президент, уже предупреждали Германию и Италию о недопустимости «угроз вооруженного насилия» (первое обращение Рузвельта было сделано накануне Мюнхена — 26 сентября 1938 г.), однако, как показывают события, ему не вняли. Если развитие пойдет и дальше в этом направлении, то это «неизбежно» закончится тем, «что значительная часть мира будет превращена в руины». Этого США не хотят. Они призывают к мирному решению спорных вопросов и делают это «не из страха и не из-за слабости», а «в сознании силы и из любви к роду человеческому»¹⁴.

Грозное предупреждение и одновременно предложение о переговорах были сделаны. В западноевропейских столицах с нетерпением ожидали, какое впечатление

¹² Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. IV. М., 1946, с. 411–412, 416.

¹³ Ursachen und Folgen (далее — UF), Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte. Berlin (West-), Bd. XIII [s.a.], Dok. № 2795a, S. 224–227.

¹⁴ Ibidem.

они произведут на Берлин и Рим. То, что Запад настроен очень решительно, Лондон и Париж попытались подтвердить собственными действиями, которые были приняты параллельно с американской инициативой. 13 апреля 1939 г. они объявили о предоставлении гарантий Румынии и Греции, а 14–15 апреля обратились с новыми предложениями к Москве: французское правительство предложило советскому правительству обменяться письмами о готовности оказать друг другу помощь в случае войны с Германией, если бы та напала на Польшу и Румынию¹⁵, а английский кабинет предложил СССР выступить с декларацией о его готовности прийти на помощь любому его европейскому соседу, подвергнутому нападению и выразившему желание эту помощь получить¹⁶. Такая широкая политическая акция, демонстрировавшая серьезность намерений демократических держав, не могла не поколебать, как полагали на Западе, уверенность стран «оси» в своих силах. Они должны были согласиться на переговоры. В Лондоне и Париже ожидали, что в запланированной на конец апреля большой политической речи Гитлера в рейхстаге будет дан положительный ответ на инициативу Рузвельта.

Успех новой западной политической акции вновь в значительной степени зависел от позиции СССР. В Кремле это тоже понимали и решили использовать ситуацию для того, чтобы еще раз попытаться достичь соглашения о коллективном противодействии агрессии и не допустить нового сговора западных стран с Германией, который мог произойти теперь уже за счет СССР.

16 апреля 1939 г. советское правительство в телеграмме, направленной Рузвельту, одобрило его обращение к Гитлеру и Муссолини¹⁷, а 17 апреля народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов передал У. Сидсу письмо с предложением заключить трехстороннее англо-франко-советское соглашение о взаимопомощи в случае агрессии и о защите восточноевропейских государств¹⁸. Предложение Москвы объединяло французскую и английскую инициативы от 14–15 апреля, однако переводило их из плоскости односторонних обязательств СССР в плоскость взаимных обязательств СССР и западных держав и предоставления ими друг другу равных гарантий. Предложение было направлено на создание реальной системы безопасности в Европе и на обеспечение равноправного участия в ней советского государства.

Однако столь далеко идущее сотрудничество с СССР в планы английского и французского руководства, как уже отмечалось, не входило. 19 апреля 1939 г. комитет по внешней политике кабинета министров Великобритании сообщил правительству о своем отрицательном отношении к советскому предложению¹⁹. Позиция Англии оказала решающее влияние и на Париж. Но официально отвергнуть советское предложение в сложившейся ситуации Запад не мог. Это ослабило бы нажим на Германию и Италию и сорвало бы всю задуманную комбинацию. Правительства Англии и Франции решили начать диалог с Кремлем по поводу его предложения, облекая свою позицию в форму замечаний и контрпредложений к советскому проекту, что внешне должно было выглядеть как интенсивные политические консультации, за которыми может последовать заключение соглашения. Накануне речи Гитлера требовалось подчеркнуть «единство антигерманских сил».

¹⁵ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, док. № 269, с. 380–381.

¹⁶ Там же, док. № 268, с. 379–380; док. № 271, с. 381–382.

¹⁷ Внешняя политика СССР, т. IV, с. 417.

¹⁸ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, док. № 275, 276, с. 385–387. 18 апреля 1939 г. аналогичное предложение было передано полпредом СССР во Франции Я. З. Сурицем французскому правительству.

¹⁹ На роковом пороге (из архивных материалов 1939 года). — Вопросы истории, 1990, № 1, с. 95–96.

В Берлине понимали, что происходившее имеет показательный характер и является, как там выражались, «пропагандистским натиском» на «ось». Вашингтон, считали в нацистском руководстве, ввиду господствующих по ту сторону океана изоляционистских настроений не будет участвовать в европейском конфликте, а закон о нейтралитете не позволит Белому дому поставлять вооружения Антанте, так что Германия может воевать с Англией и Францией, не опасаясь вмешательства Соединенных Штатов. Особенно активно эту мысль отстаивал министр иностранных дел Германии Риббентроп.

В отношении контактов западных держав с СССР Гитлер и его окружение были осведомлены (из различных источников в тех же западных столицах), что Лондон и Париж активизировали их по тактическим соображениям, и обращение Рузвельта отчасти призвано компенсировать ослабление позиций Англии и Франции, вызванное провалом их попыток побудить СССР включиться в орбиту западной политики и взять на себя односторонние обязательства²⁰. Шаг, предпринятый Москвой 17 апреля 1939 г., на некоторое время встревожил Берлин. Однако 26 апреля германское посольство в Лондоне сообщило, что английское правительство планирует дать на советское предложение ответ, «равнозначный отказу», а Польша и Румыния «ни в коем случае не хотят получать от Советской России помощь, о которой они не просят»²¹. После этого нацистскому руководству стало ясно, что инициатива Москвы никаких серьезных последствий для Германии иметь не будет. Поступавшие же из Лондона и Парижа донесения свидетельствовали о том, что, несмотря на грозные речи в адрес Германии, западные державы пока что не готовы к войне. 26 апреля 1939 г. германское министерство иностранных дел получило из Лондона сообщение своего информатора, в котором тот, проанализировав положение, подчеркивал: «Вне всяких сомнений, Англия еще не вооружилась. Это относится, во-первых, к ее армии, во-вторых, к гражданской обороне и, в-третьих, хотя и в меньшей степени, к военно-воздушным силам». Подготовленных ресурсов, прежде всего жидкого топлива, ей хватит «всего лишь на месяц боевых действий». Население психологически не готово к войне. «В настоящее время англичане блефуют в надежде выиграть время» и потому «чем тверже наша речь, тем лучше»²².

28 апреля 1939 г. Гитлер выступил с речью в рейхстаге и в резкой форме отклонил предложение Рузвельта²³. Несколькоими днями ранее то же самое сделал Муссолини. Попытка западных держав достичь с Германией и Италией «компромисса с позиции силы» бесславно провалилась.

Казалось бы, происшедшее должно было отрезвить политиков Запада, заставить их перейти от слов к делу — от угроз взять «ось» в тиски фронтов с запада и востока к практической организации широкой коалиции, способной парализовать активность агрессоров. Этого, однако, не случилось. Позиция, занятая Лондоном и Парижем в последние дни апреля — начале мая 1939 г., не позволяла уловить даже намек на возможность позитивных сдвигов в их политике. Попытка Москвы вновь обратить внимание на свои предложения была ими 3 мая отклонена. Причем форма, в которой последовало это отклонение, была откровенно оскорбительной²⁴.

²⁰ ADAP, Serie D, Bd. VI. Baden-Baden, 1961, Dok. № 201, S. 204.

²¹ Ibid., Dok. № 269, S. 279–280.

²² PA AA, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 1 (vom 1938 bis 1939) (R27114), Bl. 37525.

²³ UF, Bd. XIII, Dok. № 2795c, S. 227–240.

²⁴ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, док. № 303–306, с. 410–414; док. № 312, с. 423; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны. М., 1997, с. 23–24.

На такое отношение к своим предложениям советское руководство отреагировало незамедлительно. Вечером 3 мая 1939 г. М. М. Литвинов — инициатор предложений от 17 апреля, как и всех предшествующих советских предложений, направленных на развитие сотрудничества с демократическими державами, был освобожден от обязанностей народного комиссара иностранных дел СССР²⁵.

Отставка Литвинова сигнализировала всему миру о том, что СССР вносит серьезные коррективы в свой внешнеполитический курс. Англии и Франции Кремль ясно давал понять, что он более не намерен терпеть пренебрежительное отношение к своим предложениям. Заявляя о готовности при условии, если Лондон и Париж изменят свою позицию, продолжить с ними диалог и договориться о сотрудничестве, СССР в то же время «открывался» для контактов с Берлином. Эти контакты могли быть использованы им как рычаг давления на западные державы в вопросе о заключении трехстороннего соглашения. В случае же провала попыток добиться взаимопонимания и союза с Англией и Францией база, подготовленная с помощью этих контактов, могла быть использована Советским Союзом для урегулирования отношений с Германией на двусторонней основе и предотвращения военного столкновения с нею. Отметим, что 2 мая 1939 г., накануне отставки Литвинова, советское руководство получило сообщение следующего содержания: германское правительство приняло окончательное решение в вопросе о войне, объектом германского нападения будет Польша, военные приготовления против нее будут завершены уже в июле — августе 1939 г.²⁶

Перемены, происшедшие в Москве, западные державы не оставили без внимания. Однако менять свой курс в отношении СССР они не намеревались, о чем свидетельствовали их «контрпредложения» на советскую инициативу от 17 апреля, которые были переданы 8 мая 1939 г. новому наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову²⁷. Лондон и Париж по-прежнему пытались навязать Кремлю односторонние обязательства и использовать переговоры с ним в своих политических интересах.

Запад все еще не оставлял надежд на успех выработанной им политической линии. После того как не сработали «внешние факторы», там стали делать ставку на «внутренние», которые, как ожидалось, могли побудить руководителей стран «оси» встать на путь переговоров. Серьезные экономические трудности, которые в тот момент испытывали Германия и Италия, давали Западу надежду на то, что они будут вынуждены попросить экономической помощи, кредитов, а значит, станут более сговорчивыми. Лондон и Париж не расставались и со своими старыми планами расколоть «ось», надеясь, что поодиночке Германия и Италия будут для них уже не столь опасны и их будет легче склонить к соглашению. О том, насколько были сильны еще в первой половине мая 1939 г. надежды западных политиков на «компромисс с позиции силы», свидетельствует телеграмма посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу, отправленная из Парижа 10 мая 1939 г. «Как Бонне²⁸, так и британский посол²⁹ оптимистически настроены в отношении будущего, — говорилось в ней. — Оба они считают, что включение Советского Союза, Турции, Румынии и Польши во фронт против германской агрессии, наряду с возрастающей военной мощью Англии и Франции и при растущих экономических и финансовых трудностях Германии и Италии, в следующие два месяца с очевидностью покажет, что соотношение сил определенно не в пользу Германии и Италии. Они считают, что Германия

²⁵ Документы внешней политики, т. XXII, кн. 1. М., 1992, док. 269—270, с. 327—328.

²⁶ Год кризиса. 1938—1939, т. 1, док. № 311, с. 419—422.

²⁷ Там же, док. № 325, с. 435—436; док. № 327, с. 438—439.

²⁸ Бонне, Жорж (1889—1973) — министр иностранных дел Франции в 1938—1939 гг., активный сторонник соглашения с Германией.

²⁹ Фиппс Эрик.

и Италия уже сейчас настолько не уверены в соотношении сил в свою пользу, что не осмелятся начать войну. Оба они ожидают, что в течение следующего месяца последует ряд кризисов, однако считают, что в конечном счете Германия и Италия будут вынуждены вести переговоры примерно на той основе, которая была изложена президентом в его послании Гитлеру и Муссолини»³⁰.

Этот оптимистический прогноз оказался несостоятельным. Берлин и Рим не выказали никакого желания откликнуться на предложение Рузвельта. Инициативу достижения с ними мирного соглашения лидерам демократических стран вновь пришлось брать на себя. Поездка в Берлин в середине мая 1939 г. деятеля Консервативной партии Великобритании Г. Друммонд-Вольфа, сигнализовавшая о готовности Запада к переговорам и уступкам³¹, знаменовала начало конца «жесткого курса» Англии и Франции в отношении стран «оси». Предвоенный политический кризис вступал в новую фазу своего развития.

* * *

Настала пора вернуться к беседам, которые вели в Локарно Г. В. фон дер Шуленбург и «агент американского президента». Содержание этих бесед во многом проясняет ту политику, которую с марта по май 1939 г. вели в отношении Германии и Италии западные державы, а также степень участия в этой политике США. То, что говорилось в Локарно, являлось своего рода комментарием к тому, что делали Лондон и Париж, комментарием, который не мог быть сделан публично, но должен был дойти до сведения Берлина.

Основной акцент в этих беседах делался на устрашение Германии. Берлин пытались убедить в бесперспективности его надежд взять верх в войне. Одновременно ему прямо говорили, что он может получить, урегулировав отношения с Англией и Францией мирным путем. Временами ему даже подсказывали, какие действия Германии и Италии западные державы могут принять без особых возражений. Интересны беседы и тем, что на их примере ярко прослеживается изменение тактической линии западных держав в отношении Германии. Если в марте – апреле 1939 г. они выступали с откровенными угрозами в ее адрес, то в первой половине мая демонстрировали лишь спокойную уверенность в своих силах, а к началу июня уже призывали к переговорам и пытались давать добрые советы.

Постоянным предметом бесед являлись отношения западных держав с СССР, позиция Италии, Испании, США. «Агент Рузвельта» стремился доказать неизбежность заключения англо-франко-советского военно-политического соглашения, вступления в войну США, породить у берлинского руководства сомнения в надежности Италии как союзника Германии и в возможности для Берлина наладить тесное сотрудничество с Мадридом. Не забегая вперед и не пересказывая содержание документов, заметим, что во многих случаях собеседник Шуленбурга шел на откровенную дезинформацию. Но это и не удивительно. Блеф был важной составной частью всего «жесткого курса» западных держав, и в этом отношении локарнские беседы являются его яркой иллюстрацией.

Как воспринимали в Берлине сообщения Шуленбурга?

Несмотря на то, что в них содержалось много информации, противоречившей сведениям, которыми располагало германское внешнеполитическое ведомство, они привлекли к себе самое пристальное внимание. В сопроводительной записке к одному из них отмечалось: «Кое к чему (в сообщениях Шуленбурга. — О.В.) следует относиться как к пропаганде», однако целиком отбрасывать нельзя — многое из того,

³⁰ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, док. № 335, с. 447–448.

³¹ ADAP, Serie D, Bd. VI, Dok. № 380, S. 407–408.

что сообщалось Шуленбургом ранее, через какое-то время, как правило, подтверждалось³². Наличие такого замечания свидетельствовало об определенной неуверенности германского министерства иностранных дел в адекватности своей оценки обстановки и допущении, что поступившая информация может быть более точной.

О том, что сообщения из Локарно привлекли к себе особое внимание «бюро Риббентропа», свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что они были фактически изъяты из документооборота министерства (не вернулись в «Ш-й главный реферат», из которого поступили), а остались в личном штабе имперского министра. Учитывая характер этих документов (наличие в них сведений об источнике информации, имени, клички, краткой характеристики агента, ее получившего, имени агента, передавшего ее в Берлин), это, думается, являлось серьезным нарушением порядка делопроизводства. Других документов такого рода фонд Риббентропа не содержит.

Обращает на себя внимание и еще один немаловажный факт. Из трех писем Шуленбурга (от 7 апреля, 11 мая и 15 июня 1939 г.), «задержанных» в бюро имперского министра иностранных дел, только письмо от 15 июня было «пущено в оборот», т.е. включено в сводки агентурных донесений. Причем информация, содержавшаяся в нем, была разделена на четыре части³³, и явно занижалось значение источника, из которого она была получена. Он был назван всего лишь «хорошо информированным американцем»³⁴. Письма от 7 апреля и 11 мая в сводки включены не были. Это обстоятельство, как и факт прочного «оседания» писем Шуленбурга в «личном штабе» Риббентропа, порождает вопрос: не придержал ли он и его сотрудники информацию, поступившую из Локарно, поскольку она могла каким-то образом повлиять на принятие решения о войне. Риббентроп, как уже говорилось, был сторонником жесткой политики в отношении Англии и Франции, а аргументы, приводившиеся в письмах Шуленбурга, могли стать козырем в руках Г. Геринга и его единомышленников, высказывавшихся за примирение с Западом, и в чем-то, может быть, поколебать решимость Гитлера. Лишь после того как чаша весов склонилась в пользу войны³⁵, эту информацию «выпустили», причем ту ее часть, которая, по сути дела, уже не содержала элементов устрашения.

В заключение нельзя не вернуться к судьбе автора писем. За вклад в укрепление германо-итальянских отношений Шуленбург в 1942 г. был награжден Орденом итальянской короны. С сентября 1942 г. по договоренности между руководством Германии и Италии под его редакцией стал выходить журнал «*Italien. Monatsschrift der Deutsch-italienischen Gesellschaft*», публикации в котором были посвящены почти исключительно политическим вопросам и выдержаны в соответствующем идеологическом духе. После свержения и ареста Муссолини в июле 1943 г. журнал прекратил существование. В августе – сентябре 1943 г. берлинское руководство намеревалось привлечь Шуленбурга к операции по освобождению дуче, но в итоге от этого отказалось. После оккупации Германией Северной и Центральной Италии Шуленбургу в ноябре 1943 г. было предписано покинуть Рим. Он выехал в Венецию, а затем перебрался в Баварию, где, по его словам, позднее скрывался в горах. Годы спустя он будет говорить, что это было вызвано опасениями возможного ареста гестапо из-за его принадлежности к германскому Сопротивлению. Но эти заявления выглядят малоубедительными. До 20 июля 1944 г., когда было совершено покушение на Гитлера, после которого начались аресты оппозиционеров, было еще далеко. Казнь двух его двоюродных

³² PA AA, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37841.

³³ PA AA, Dienststelle Ribbentrop, Vertrauliche Mitarbeiterberichte I, 4/1 (1939) (R 27118), Bl. 279360–279363.

³⁴ Ibid., Bl. 279360.

³⁵ 15 июня 1939 г. в Берлине был подписан оперативный план войны против Польши.

братьев — Фридриха Вернера графа фон дер Шуленбурга и Фрица-Дитлофа графа фон дер Шуленбурга, действительно участвовавших в заговоре, позволила нашему герою сочинить версию о наличии некоей «семейной ячейки» Сопротивления гитлеровскому режиму, а в декабре 1955 г. добиться принятия судебного решения, по которому он был признан лицом, подвергавшимся преследованиям при нацизме. После войны Шуленбург весьма успешно продолжал заниматься литературным творчеством. Незадолго до смерти он переехал в Швейцарию и поселился в округе Мальязина под Лугано, где и скончался весной 1958 г. в возрасте 76 лет.

Из писем Г.В. графа фон дер Шуленбурга
(перевод с немецкого О.В. Вишлёва)

№ 1

Локарно, 7.4.1939 г.

Дорогой господин Швейцер!

Сразу по прибытии я нанес визит господину, который вчера вернулся из Лондона и Парижа. Атмосфера там, по его словам, в высшей степени напряженная. В Париже в одном из клубов он попытался лорду из окружения леди Астор³⁶, бывавшему раньше у фюрера, объективно обрисовать ситуацию, однако тот в ответ закричал на него: «Вы же форменный нацист!»

В целом господин сообщил в Америку следующее. Германия сможет успешно вести войну лишь тогда, когда приведет в порядок свою экономику. Начать войну сейчас будет равнозначно повторению 1914 года. Сначала будут успехи, которые продержатся четыре месяца. Затем вследствие недостатка материалов положение круто изменится. Детали сообщения выяснил по ходу беседы.

Беседа продолжалась два часа. Господин считает, что Германия подвергла бы себя величайшей опасности, если бы в этом году, при нынешнем психологическом настрое заграницы, начала войну. Через один — два года единство враждебных ей держав будет уже не таким прочным, как сегодня; появятся новые противоречия между державами. Реакция на нынешние раздражители уже не станет такой острой и не будет способствовать объединению.

Но Германии совершенно необязательно подвергать себя риску, с которым связана любая война. Она может *сегодня* в течение 12 часов получить все, что захочет. Для этого ей достаточно лишь изменить ориентацию. Если Германия *не* совершит этот поворот, то произойдет следующее. Тайная дипломатия держав работает на полную мощность. Принципы Лиги Наций, по сути дела, преданы забвению. Заключены тайные договоры с другими государствами, аналогичные договору с Польшей. С Россией дело на 100% решено; договор не публикуется лишь из-за Польши. Передовую линию враждебного Германии союза составят Англия, Франция, Польша. Война начнется на западе. Немецкие позиции (укрепления), по мнению французского генерального штаба, будут сняты в течение четырех недель; например, противотанковые укрепления уже сейчас устарели.

На востоке Германии дадут продвинуться до определенной точки, которая уже определена генеральными штабами, затем (приблизительно через два месяца) в войну вступит Россия, которую Америка будет снабжать через Владивосток военными материалами.

Решение Америки вступать в войну немедленно или чуть погодя будет зависеть от того, сочтет ли германский генеральный штаб необходимым *сразу* стремительным

³⁶ Астор Нэнси, урожденная Лэнгхорн (1879–1964) — дочь американского миллионера, жена британского консервативного политика, медиа-магната лорда В. У. Астора, виконтесса. С 1919 г. депутат Палаты общин британского парламента. Вокруг леди Астор и ее мужа группировались британские политики, выступавшие за англо-германское сближение и сотрудничество. Эта группировка именовалась «Кливденской кликой».

ударом разгромить малую страну. В ответ на мой вопрос, какую страну, он извинился и заявил, что назвать ее не может. По ходу беседы выяснилось, однако, что под малыми странами он подразумевает Швейцарию, Бельгию и Голландию. Мне показалось, что он имел в виду прежде всего последнюю. Если по ней будет нанесен удар, то Америка вступит в войну уже на второй день; решено, что (в Европу. — *О. В.*) будет сразу же переброшено 400 тыс. человек, которые уже сейчас проходят подготовку. Военный материал производится в неимоверных количествах.

Целью воздушных атак противника станут в первую очередь промышленные центры. Тихие соглашения типа Крупп — Крезо Шнейдер, как в годы мировой войны, будут уже невозможны. В качестве репрессий намечены налеты на Берлин и Мюнхен. Главная ставка делается не столько на сражения, сколько на войну на истощение.

О сегодняшней обстановке можно сказать следующее. Рассчитывают, что будет аннексирована Венгрия, за которую (Англия и Франция. — *О. В.*) воевать не станут. Из-за Албании ... также не последует военных действий. Этому (нападению на Албанию. — *О. В.*) англичане будут лишь рады, поскольку тем самым другим государствам будет дан ясный сигнал, что им следует переходить под защиту западных держав.

В некоторых кругах Англии и Франции германские завоевания на востоке расцениваются как территориальная подготовка Дунайской монархии, к установлению отношений с которой (как с политическим образованием, которое возникнет после войны) уже ведутся негласные приготовления.

В Испании готовится переход к монархии. Решение зависит от Франко; подготовкой руководят: из Рима — король Альфонс XIII³⁷, из Лондона — герцог Альба³⁸, за спиной которого стоят английские политики. Итальянский королевский дом симпатизирует идее монархии в Испании; Ватикан тоже.

Савойская династия³⁹ знает, что потеряет корону, если Италия вместе с Германией вступит в вышеназванную войну. Она твердо отстаивает монархический принцип и поэтому резко выступает также против завоевания Албании. Еще четыре недели назад король Италии специально публично заявил о дружбе с Албанией.

В фашистском движении через пять — шесть недель произойдут резкие перемены. Граф Чиано⁴⁰ лично замешан в банковской афере (особый счет). В Сенате нашлись настоящие, благородные фашисты, которые выразили возмущение. За их спиной стоит итальянская аристократия вместе с наследником престола. Эти круги вновь обрели опору в Англии (аристократия и банки). Муссолини придется совершить этот поворот вместе с остальными уже из-за одной только Албании, чтобы хоть как-то успокоить Англию. Это будет означать ослабление прочности «оси» на 20%; в случае войны ... прочность «оси», как считают, уменьшится сразу же на 40%...

Следующее сообщение ближе к середине мая, если агент вернется из Лондона. Надеюсь увидеться с Вами между 1–7 мая в Мюнхене...

С наилучшими пожеланиями...

³⁷ Альфонс XIII (1886–1941) — король Испании в 1886–1931 гг. После свержения жил в изгнании во Франции, затем в Италии.

³⁸ Герцог Альба (1878–1953) — Хакобо Фитц-Джеймс Стюарт и Фалько, 17-й герцог Альба. С 1937 г. представитель генерала Франко в Лондоне, с марта 1939 г. (после официального признания правительством Н. Чемберлена диктаторского режима Франко) по 1942 г. посол Испании в Великобритании.

³⁹ Королевская династия, правившая в Италии до 1946 г.

⁴⁰ Чиано, Галеаццо (1903–1944) — зять Муссолини, министр иностранных дел Италии в 1936–1943 гг.

Копия верна. Редакционное бюро Швейцера, Мюнхен⁴¹.

№ 2

11.5.39 г.

Дорогой и уважаемый!

Обратный путь из Мюнхена ... мы проделали за 12 часов... Я счел правильным сразу же навестить моего старого друга и поговорить с ним о том, что происходит в мире. Он как раз только что вернулся из Парижа, где принимал участие в каком-то большом совещании. В Англии в этом месяце он не был; его сообщения из Англии из вторых рук. Но ее (Англии. — О. В.) взгляд на положение вещей, совпадающий с точкой зрения ведущих французских кругов, очень прост. О мобилизации Германии против Польши там знают настолько точно, что считают ее блефом, который уже ни на кого не может произвести впечатление. «Германский генеральный штаб не настолько безрассуден, чтобы лезть в ловушку. В прошлый раз я Вам уже говорил, что тайная дипломатия как никогда активно ведет работу... Посвященные знают: все, что болтают о трудностях, существующих между Россией и западными державами, — ложь. Россия накрепко привязана к Антанте. Если немцы действительно нападут (на Польшу. — О. В.), то в определенном пункте (после того как 5–6 миллионов поляков сначала в одиночку вступят в борьбу) Германия натолкнется на русских. Русские летчики, как и западные, будут принимать участие в боевых действиях, естественно, с самого начала. Поскольку Германия с 1 марта упустила возможность молниеносной войны — с этого дня в странах Антанты нет ни одного орудия, которое не держали бы в состоянии полной боевой готовности, — то после того как закончатся успехи начального периода войны, число ее противников начнет постепенно умножаться. Франция с величайшим спокойствием относится к тому, что Италия пытается спровоцировать ее на войну. Все народы Восточного Средиземноморья будут бороться вместе с ней против Италии. По заявлениям Италии, она располагает 30 тыс. летчиков. На самом деле, согласно сообщению Линдберга⁴² Конгрессу (США. — О. В.), это число не превышает 10 тысяч ... Английский флот сразу же подвергнет обстрелу итальянские города. Вместе с тем часть его, учитывая возможность удара Германии по Голландии, будут держать у голландских берегов. В Германии не должны заниматься самообманом — на этот раз державы Антанты будут действовать очень решительно. В США год назад за войну было 10% населения; после (захвата немцами. — О. В.) Праги — 30%, сегодня — 70–80%. Вся Южная Америка работает на США; в случае войны Южная Америка станет для США гигантским резервуаром».

Я спросил о свержении Литвинова. — «В высшей мере внутреннее дело. Он стал слишком могущественным; этого Сталин не любит. Литвинов не должен был стать человеком, который завершит работу над пактом с западными державами... Первый человек сегодня — Потемкин⁴³, германофоб каких свет не видывал. От него нити тянутся к Кэ д'Орсэ⁴⁴ и к Леже⁴⁵, который приобрел сегодня огромный вес, поскольку

⁴¹ РА АА, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37842–37845.

⁴² Линдберг, Чарльз (1902–1974) — американский летчик, полковник, сотрудник военного министерства США.

⁴³ Потемкин, Владимир Петрович (1874–1946) — первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР в 1937–1940 гг.

⁴⁴ Имеется в виду министерство иностранных дел Франции.

⁴⁵ Леже, Алексис (1887–1975) — генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции в 1933–1940 гг.

вновь обеспечивает связь с англичанами. И Гафенку⁴⁶, если дойдет до дела, окажется на той стороне, на которой нужно; в этом отношении Вы можете на меня положиться. Его мне описывали как выдающуюся личность».

В чем Вы видите возможности для Германии? — «В присоединении к мировому хозяйству. Стоит Германии заявить о готовности к этому, ей тут же будет предоставлено 10 млрд марок в валюте. Я считаю “линию Геринга” все еще возможной».

А если этого не произойдет? — «Тогда Германия окажется в столь стесненном положении, что не позднее, чем к осени, оно приведет к взрыву...»

Папское посредничество? — «В Италии относятся к этому не без симпатии. После не совсем искусного обращения Рузвельта его рассматривают как последнюю возможность мирного урегулирования, которого, как поговаривают, Италия страстно желает».

Сама Италия? — «Я располагаю информацией лишь о Северной Италии. Позавчера я разговаривал с одним крупным промышленником, видным нацистом. Он жаловался на нелюбовь к немцам в Милане, Турине, Брешии, Генуе... О том, что народ (Италии. — *О. В.*) не хочет войны, известно всем; антигерманская пропаганда явно нарастает. Экономическое положение плохое».

Вот все, что может Вас заинтересовать...

*Ваша Эминус*⁴⁷

№ 3

Альм, 15.6.1939 г.

Дорогой друг!

...Сегодня я смог съездить в Локарно и повстречаться там с американцем, который недавно вернулся из Парижа.

Его сообщения, как всегда, были интересными. В целом ситуацию (для Германии) он оценивает оптимистически, и по ходу беседы я смог установить, что в этом духе выдержано и его сообщение в Америку. Сообщение на этот раз я не читал, так как он отправил его из Парижа. Но из беседы удалось выяснить его содержание. Я задал несколько коротких вопросов, чтобы навести его на то, что мне представляется важным. Мой первый вопрос, естественно, был об англо-французском договоре с Россией. Он сказал, что некоторые немцы высказывали ему мнение, что задержка с договором вызвана фактом параллельных германо-российских переговоров. Он считает, что это сообщение распространяется в Германии из пропагандистских соображений. Русские всего лишь хотят закончить ранее начатое дело с заключением некоторых экономических соглашений с Германией. Вне всяких сомнений, англо-франко-российский договор будет подписан. Англичане сами не заинтересованы в том, чтобы спешить с договором; они хотят сначала провести пропагандистскую работу, чтобы успокоить колонии относительно столь странного нового партнера. Во Франции Даладьё⁴⁸ выступает за отсрочку подписания. Бонне высказывает даже мнение, что деньги, отведенные на вооружение, лучше использовать на социальные нужды, поскольку уже сам по себе союз трех дает достаточно гарантий. Даладьё не без удовольствия указывает на это и подчеркивает, что пакта с русскими пока что нет, чем ставит Бонне в довольно щекотливое положение. Англия, которая в любом случае хочет избежать войны (блицкрига там, однако, уже не бояться — шанс упущен), все еще ищет возможности

⁴⁶ *Гафенку, Григоре* (1892–1957) — министр иностранных дел Румынии в 1939–1940 гг., посол Румынии в СССР в 1940–1941 гг.

⁴⁷ PA AA, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37837–37840.

⁴⁸ *Даладьё, Эдуард* (1884–1970) — премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938–1940 гг.

установить контакт с Германией (речи министров!) и отдала ей чешское золото⁴⁹, поскольку знает, что на него ею будут закуплены в основном продукты питания. Она не хочет возбуждать народ Германии, который может скорее захотеть войны, если нужда в стране будет ощущаться острее и этой нуждой будет только подчеркиваться потребность «взять необходимое». Главное внимание сейчас обращено на прибалтийские страны. Хотя ими и заключены пакты о ненападении (с Германией. — О. В.)⁵⁰, решается вопрос о втягивании их в большой договор, не обращая внимания на то, хотят они этого или нет.

Военная оккупация Данцига и его включение в состав Германской империи рассматриваются во Франции и Англии как вещи самой собой разумеющиеся. В остальном союз между Германией и Италией считается помехой для германской восточной политики. Преамбула договора создает для Германии трудности...⁵¹ Оппозиционные круги в итальянской армии и среди итальянского дворянства, которые поддерживают связи с английской аристократией (в частности, с герцогом Кентским⁵²), продолжают свою деятельность. Итальянцы считают, что 60–70% итальянской армии симпатизирует Англии, в то время как англичане считают, что только 30%. Хотя деятельность этой (оппозиционной. — О. В.) группы пока что не принесла результатов, недооценивать ее нельзя. Формируется антигерманская ячейка, которая и дальше будет усиливаться, если немецкое влияние и немецкая работа в итальянских войсках будут нарастать. Отношение итальянского населения к Германии плохое.

Об англо-японских инцидентах⁵³ было сказано, что их спровоцировали сами англичане. За этим стоят также интересы Америки. Такого рода инциденты нужны были для того, чтобы получить возможность легально осуществлять поставки (оружия. — О. В.) в Китай. Даже самые лучшие друзья Японии считают, что Япония через один — два года потерпит крах. Число убитых на стороне японцев уже сейчас перевалило за миллион... В то же время в Северном Китае большевизм добился значительных успехов.

Экономически Германия будет поддержана Испанией; сейчас туда направлены лучшие (немецкие. — О. В.) кадры. Однако сама Испания, как фактор, на два года выпадает из политики. Франко⁵⁴ (ученик Петэна⁵⁵), правда, заявил Петэну, что твердо придерживается союза с Германией; однако французы считали и считают нападение Испании на Францию настолько маловероятным, что даже не думают укреплять Пиренеи. В ближайшие годы они будут держать наготове во Франции и Южной Америке красных испанских офицеров, которые в случае конфликта с державами «оси» будут переправлены в Испанию и начнут собирать там вокруг себя своих прежних сторонников. Впрочем, Франко пытается укрепить отношения с Францией и Англией...

Отношение к Германии в Америке настолько плохое, что хуже просто не бывает. Реф[ерент] предостерег, однако, (свое правительство. — О. В.) от оценки экономического положения Германии как «отчаянного» или «катастрофического», как это делается

⁴⁹ После захвата Германией Чехии в марте 1939 г. Банк Англии передал немцам хранившееся в нем чехословацкое золото на общую сумму в 5,6 млн ф. ст. по тогдашнему курсу.

⁵⁰ Пакт о ненападении между Германией и Литвой был заключен в марте 1939 г., между Германией и Латвией, Германией и Эстонией — в июне 1939 г.

⁵¹ Имеется в виду преамбула заключенного Германией и Италией 22 мая 1939 г. договора о военно-политическом союзе («Стальская пакт»).

⁵² Герцог Георг Кентский (1902–1942) — принц Великобритании с 1934 г.

⁵³ Имеется в виду блокада японцами британской концессии в Тяньцзине в апреле 1939 г. и последующие антибританские акции на китайской территории, оккупированной Японией.

⁵⁴ Франко, Франсиско (1892–1975) — организатор военного переворота 1936 г., генералиссимус, каудильо Испании.

⁵⁵ Петэн, Анри Филипп (1856–1951) — маршал Франции, посол Франции в Испании в марте 1939 г. — мае 1940 г., глава Французского государства в 1940–1944 гг.

в США. Оно, конечно, затруднительное, но в целом не невыносимое. О предстоящей девальвации марки на 50 (%. — *О. В.*) в Лондоне и Париже ему сообщили как о «факте» (не вызывающем сомнений. — *О. В.*); однако такую девальвацию там считают все-таки недостаточной, поскольку она еще не позволит (Германии. — *О. В.*) подключиться к мировому рынку. В банковских кругах Америки придерживаются того же мнения...

Детали и аргументы сообщу при встрече...

Ваша [подпись неразборчивая]

Редакционное бюро Т. К. Швейцера, Мюнхен.

Сообщение Шуленбурга из Аурессии; отправлено 16.6.1939 г.⁵⁶

Библиография

Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. IV. М., 1946, с. 411–412, 416, 417.

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы, т. I. М., 1990, док. № 177, с. 258–264; док. № 269, с. 380–381; док. № 268, с. 379–380; док. № 271, с. 381–382; док. № 275, 276, с. 385–387; док. № 303–306, с. 410–414; док. № 311, с. 419–422; док. № 312, с. 423; док. № 325, с. 435–436; док. № 327, с. 438–439; док. № 335, с. 447–448.

Граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург. Дипломат и участник Соппротивления. Friedrich-Werner Graf von der Schulenburg. Diplomat und Widerstandskämpfer. М., 2012.

Документы внешней политики, т. XXII, кн. I. М., 1992, док. 269–270, с. 327–328.

На роковом пороге (из архивных материалов 1939 года). — Вопросы истории, 1990, № 1, с. 95–96.

Сиполс В. Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной войны. М., 1997.

Хавкин Б. Л. Werner Graf von der Schulenburg по Эвианской конференции 1938 г. — Вестник архивиста. 2018, № 3.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945, Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts, Serie D: 1937–1941. Baden-Baden, 1961, Bd. VI, Dok. № 201, S. 204; Dok. № 269, S. 279–280; Dok. № 380, S. 407–408; Bd. VIII, Dok. № 596, S. 584; Dok. 486, S. 450; Dok. 490, S. 455.

[http://www.cia.gov/library/readingroom/docs/specialCollection/nwcd5/106/BEETZ_HILDEGARD VOL. 1_0119.pdf](http://www.cia.gov/library/readingroom/docs/specialCollection/nwcd5/106/BEETZ_HILDEGARD_VOL.1_0119.pdf) (дата обращения 12.03.2019).

Knigge J. C. Werner Graf von der Schulenburg — Kulturvermittler zwischen Italien und Deutschland. — <http://edoc.hu-berlin.de/18452/14309> (дата обращения 7.03.2019).

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37753, 37837–37851; (R27114), Bl. 37525; 4/1 (1939) (R27118), Bl. 279360–279363.

Schieder W. Mythos Mussolini. Deutsche in Audienz beim Duce. München, 2013, S. 144–150.

Schulenburg S. von der. Il Barone. Werner von der Schulenburg fra storia, passioni e intrighi. Verona, 2010.

Ursachen und Folgen, Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte Berlin (West-), Bd. XIII [s.a.], Dok. № 2795a, S. 224–227; Dok. № 2795c, S. 227–240.

Wer ist's. X. Ausgabe. Berlin, 1935, S. 1452–1453.

References

Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945, Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts, Serie D: 1937–1941. Baden-Baden, 1961, Bd. VI, Dok. № 201, S. 204; Dok. № 269, S. 279–280; Dok. № 380, S. 407–408; Bd. VIII, Dok. № 596, S. 584; Dok. 486, S. 450; Dok. 490, S. 455.

Dokumenty vneshney politiki, t. XXII, kn. I. Moskva, 1992, dok. 269–270, s. 327–328. Na rokovom poroge (iz arkhivnykh materialov 1939 goda). — Voprosy istorii, 1990, № 1, s. 95–96.

⁵⁶ PA AA, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37846–37851.

God krizisa. 1938–1939. Dokumenty i materialy, t. 1. Moskva, 1990, dok. № 177, s. 258–264; dok. № 269, s. 380–381; dok. № 268, s. 379–380; dok. № 271, s. 381–382; dok. № 275, 276, s. 385–387; dok. № 303–306, s. 410–414; dok. № 311, s. 419–422; dok. № 312, s. 423; dok. № 325, s. 435–436; dok. № 327, s. 438–439; dok. № 335, s. 447–448.

Graf Fridrikh-Verner fon der Shulenburg. Diplomat i uchastnik Soprotivleniya. Friedrich-Werner Graf von der Schulenburg. Diplomat und Widerstandskämpfer. Moskva, 2012.

[http://www.cia.gov/library/readingroom/docs/specialCollection/nwcda5/106/BEETZ, HILDEGARD VOL. 1_0119.pdf](http://www.cia.gov/library/readingroom/docs/specialCollection/nwcda5/106/BEETZ,HILDEGARD VOL. 1_0119.pdf) (дата обращения 12.03.2019).

Khavkin B. L. Dokumenty Tret'yego reykh'a po Evianskoy konferentsii 1938 g. – Vestnik arkhivista. 2018, № 3.

Knigge J. C. Werner Graf von der Schulenburg – Kulturvermittler zwischen Italien und Deutschland. – <http://edoc.hu-berlin.de/18452/14309> (дата обращения 7.03.2019).

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Dienststelle Ribbentrop, Mitarbeiterberichte I, Vertraulich. 3/1 Teil 2 (vom 1938 bis 1939) (R27115), Bl. 37753, 37837–37851; (R27114), Bl. 37525; 4/1 (1939) (R27118), Bl. 279360–279363.

Schieder W. Mythos Mussolini. Deutsche in Audienz beim Duce. München, 2013, S. 144–150.

Schulenburg S. von der. Il Barone. Werner von der Schulenburg fra storia, passioni e intrighi. Verona, 2010.

Sipols V.YA. Tayny diplomaticheskoye: Kanun Velikoy Otechestvennoy voyny. Moskva, 1997.

Ursachen und Folgen, Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte Berlin (West-), Bd. XIII [s.a.], Dok. № 2795a, S. 224–227; Dok. № 2795c, S. 227–240.

Vneshnyaya politika SSSR. Sb. dokumentov, t. IV. Moskva, 1946, s. 411–412, 416, 417.

Wer ist's. X. Ausgabe. Berlin, 1935, S. 1452–1453.